

Аветисян Гаяне

Обида

Узорчатые двери старой церкви были широко распахнуты в ожидании обряда венчания, и священник делал последние приготовления, проверяя все ли на месте. В самой церкви ничто не указывало на предстоящее празднество: ни строгие лица служителей, ни дымчатая пелена холодного базальта, почерневшего от постоянного горения свеч, ни отсутствие пышных белых цветов. Солнечный свет веселого июньского дня проникал сквозь оконные отверстия, осторожно прикасаясь к алтарю теплом греховного мира.

Тереза стояла возле самых дверей, не решаясь войти. Она, стесняясь своих обрубленных ног, тесно прижималась к костылям – единственной опоре в ее непростой жизни. Солдатская гимнастерка и штаны остались в память о карабахской войне вместо неполученной медали, и она не снимала их даже в жаркую погоду.

Тереза приходила сюда, чтобы ее увидели. Кто? Этого она не знала и все же приходила в выходные или праздничные дни именно сюда, потому что только здесь, возле церкви, ее сердце успокаивалось, как только черная обида, оставшаяся еще с конца войны, прилипала к деревянному кресту на церковной двери. И ноги уже не казались уродливыми. Они становились такими, какими были до войны, – с мягкими коленками и тонкой розовой кожей. Тогда она их прятала под ситцевые юбки, а в холодную погоду одевала в теплые шерстяные чулки.

Только однажды, перед самой войной, ей удалось примерить шелковые чулки, но только примерить. Носить ей не разрешили.

– Выйдешь замуж – тогда и носи, – говорила ей мать.

Но через месяц неожиданно загорелся дом бригадира Сурена от попавшего снаряда, потом привезли погибших соседских сыновей.

В ненастную погоду, когда на небе появлялись сердитые тучи, было непонятно – пойдет ли дождь или посыпятся колючие снаряды, которые тоже были похожи на дождь. И становилось ясно, что осенью свадеб не будет.

Терезе захотелось увидеть войну, увидеть какого она цвета, чтобы потом нарисовать ее в своем альбоме, где она рисовала желтые одуванчики, бабочек и зеленый берег реки.

Однажды в лесу она набрела на потухшие, но еще теплые угли от костра возле большого папоротника. Тереза присела на смятую траву. Высокие деревья с широкими стволами и разросшими ветками закрывали все небо, и ей показалось, что она сидит в зеленом шалаше. Она достала из сумки хлеб с сыром, но поняв, что ей не с кем будет разделить еду, положила все обратно в сумку. Тереза так и заснула, положив под голову свои нехитрые пожитки, а проснувшись, увидела чистое голубое небо. Она, забыв о колючем дожде, улыбнулась ватным облакам, оранжевому солнцу и пошла в сторону солнечной поляны.

Вдруг, где-то за спиной, раздался грохот разорвавшегося снаряда. Тереза посмотрела в сторону желтой поляны, где мирно росли одуванчики. Одуванчики взлетели вверх огромным букетом и плавно опустились на землю. Осколки снаряда оставили на поляне черные оспины, и она перестала казаться такой уж солнечной.

В своем альбоме Тереза нарисовала войну желтой акварелью. Потом она несколько раз меняла этот цвет на более темный, пока не оказалась там, где война не имела цвета. На самом деле война оказалась бесцветной с запахом свежей крови, которую Тереза пыталась остановить всякий раз, когда привозили раненых бойцов.

После войны ей долго пришлось привыкать к себе. Она не смотрелась больше в зеркало, а только изредка доставала тонкие шелковые чулки, как единственную память о беззаботном довоенном времени, пытаясь представить себя счастливой. Но обида, наглухо застрявшая в ее сердце колющей болью, возвращало ее из прошлого...

Шум подъезжающих машин заставил Терезу оглянуться. Разукрашенные машины остановились за изгородью, и свадебная процессия стала приближаться к церкви. Как только Тереза увидела невесту в кружевном белоснежном платье, она сразу же отошла от двери, спрятавшись за широкую колонну. Праздничное шествие снималось на камеру.

Из-за колонны можно было разглядеть жениха и двух ангелочков, несущих шлейф длинной фаты. Родители жениха заметно выделялись среди праздничной толпы; особенно будущая свекровь – в дорогом парчевом костюме.

Яркие наряды, дорогие украшения, модные прически и даже цветы казались в этот день особенными. Тереза не из простого любопытства разглядывала людей. Здесь, возле церкви, на то время, пока обида отпускало сердце, можно было нарисовать себя в свадебном платье. Нарисовать не акварелью, а своей мечтой. Ее подвенечное платье было сплошь из белых лилий. И волосы медового цвета, мягкие как шелк, были украшены тоже лилиями. В своих мечтах она видела себя очень красивой.

Обряд венчания Тереза знала наизусть. Она снова подошла к двери и осторожно, чтобы ее никто не заметил, стала наблюдать издали за тем, что происходило возле алтаря.

К ней подошел сторож Георгий:

– Ты что прячешься? Подойди ближе.

Георгий с грустью посмотрел на девушку. Он ведь тоже мечтал о веселой свадьбе для своих детей, но, увы! Когда старшую дочь похитили, был даже рад. Теперь вот и он иногда заходил в церковь, чтобы посмотреть на чужое счастье.

Прозвучали последние псалмы, и в дверях появилась камера. Она скользнула мимо Терезы, но ее будто пригвоздило. Тереза продолжала стоять, опустив голову, и не спряталась за колонну, как прежде. Появились счастливые молодые. Им принесли двух белых голубков. И теперь они должны были выпустить их туда, откуда пришло благословение.

Один голубок, тот, что был в руках жениха, поднялся высоко вверх, а второй, из рук невесты, неожиданно улетел в сторону и сел на плечо Терезы. Голубок послушно сидел на ее плече, и Тереза улыбнулась. Она была счастлива! Улыбнулся и сторож Георгий. Но толпа, разукрашенная и праздничная, почему-то не захотела разделить с Терезой ее маленького счастья. Она поспешила в сторону основных церковных ворот и торопливо растворилась в дорогах иномарках. Тереза еще какое-то время продолжала стоять возле церкви, прижимая теплое живое существо возле самого сердца. Она нежно поглаживала голубка, боясь посмотреть на небо. Потом, опираясь на костыли, медленно пошла прочь.

Тереза вдруг поняла всем своим существом, что ее увидели. И увидели намного раньше. Еще до начала войны.